УДК 81-115
DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180

О роли переводческого комментария: социально-политические реалии в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»

А. С. Изволенская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация

На примере англоязычных переводов повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» обосновывается роль переводческого комментария как неотъемлемой части переводческого дискурса. Доказывается, что необходимость переводческого комментария обусловлена пространственно-временной разделенностью субъекта (англоязычного читателя) и объекта (повести «Собачье сердце»), с одной стороны, и лингво- и культуроспецифичностью текста, с другой. Поскольку понимание остроты сатиры в силу ее социальной природы требует ясного представления о сути конфликта в конкретной коммуникативной ситуации, внимание сосредоточено на отражении социально-политических реалий – в мета- и паратекстах и самих переводческих рецепциях, представленных четырьмя версиями. Единство объяснения и понимания как основа познания – основной методологический принцип. Более того, авторская интенция рассматривается как особо значимая категория.

Предмет исследования – мета- и паратекст как таковой к англоязычным версиям повести Булгакова «Собачье сердце». Идентификация необходимых для инокультурного реципиента пресуппозиций осуществляется на фоне критического анализа обширного переводческого метатекста, состоящего из паратекстов, составленных: 1) Дж. Мииком (введение к переводу Э. Бромфилда); Бромфилдом (примечания к переводу; комментарии к его же переводу, изд. Penguin Books 2007 г.); 2) украинским писателем А. Курковым (предисловие к переводу М. Гленни, изд. Vintage Books 2009 г.); М. П. В. Сальгадо (комментарии к переводу А. Буис, изд. КАРО 2020 г.). Проводится сопоставительный анализ четырех англоязычных версий повести – М. Гинзбург (к переводу которой, изданному Grove Press в 1987 г., какие-либо пояснительные тексты отсутствуют), Гленни, Бромфилда и Буис.

Автором данной статьи предлагаются собственные комментарии, составленные на основе исторических исследований и источников. Делается вывод, что разработка принципов комментирования перевода художественного текста должна быть направлена на усиление релевантности (ориентированной на конкретный текст), академичности, педагогичности.

Ключевые слова

Михаил Булгаков, метатекст, паратекст, переводческий комментарий, реалии

Для цитирования

Изволенская А. С. О роли переводческого комментария: социально-политические реалии в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 166–180. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180

© А. С. Изволенская, 2021

Commenting on Culture-Bound Elements in Fiction: Overcoming Social and Political Bias in M. Bulgakov's "A Dog's Heart"

Anna S. Izvolenskaya

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper is focused on the analysis of translator's notes and commentary, represented by meta- and paratexts, as an integral part of translation process. These are essential to help the foreign reader overcome the cultural bias in general, guiding them through its intricate culture-bound elements, and the space and temporal distance separating them from the source text, in particular. Our source text is M. Bulgakov's satirical novella "A Dog's Heart" (translated also as "A Heart of a Dog") written at the very beginning of the Soviet social project. As no piece of satire can be fully grasped – neither in source nor in target language -- without making sense of the social conflict described in it, we view comprehension and explanation as the basis for cognition; they constitute two main working procedures of our approach. This means that our attention is focused on the way culture-bound words relating to the facts of social and political life appearing in this tale are conveyed in translations and interpreted in meta- and paratexts. So, author's intention is deemed crucial in text interpretation. And the unity of explanation and understanding is considered to be the basis of academic knowledge

To establish what metatext relating to Bulgakov's story should be like in accordance with an academic approach, we've attempted to identify the presuppositions necessary for its adequate perception by the readership. To this end, we have studied the following metatexts: 1) J. Meek's Introduction to Bromfield's translation; 2) Bromfield's A Note on the Text to his own translation (pub. by Penguin Books, 2007); 3) Introduction to M. Glenny's translation by the Ukrainian writer A. Kurkov (pub. by Vintage Books, 2009); 4) Note by M. P. V. Salgado to the translation by A. Bouis (pub. by KARO, 2020). We also added our brief research-informed notes to some concepts of the novella English versions made by: M. Ginsburg (pub. by New-York Grove Press with no preface provided), Glenny, Bromfield and Bouis.

Our major conclusion is that commenting on the translation should become more text-oriented to enhance its academic and didactic quality. More importantly, the paper is to exemplify the kind of methodology that should underlie the research leading to creation of helpful translator's notes. Pertinent academic notes should help foreign reader to understand his or her bias and to discover the relevant cultural background of the text without which it would seem commonplace and unremarkable.

Keywords

Mikhail Bulgakov, metatext, paratext, translator's note, culture-bound words

For citation

Izvolenskaya, Anna S. Commenting on Culture-Bound Elements in Fiction: Overcoming Social and Political Bias in M. Bulgakov's "A Dog's Heart". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, p. 166–180. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180

Моему первому учителю Елене Николаевне Косинец

Смех – великое дело: он не отнимает ни жизни, ни имения, но перед ним виновный, как связанный заяц.

Н. В. Гоголь

Введение

Проблеме комментирования переводного художественного текста посвящено не так уж много научных трудов. Исследователи сходятся во мнении, что основная функция переводческого комментария заключается в том, чтобы «восполнить утраченное» или дополнить «знаковое поле неуловимых семиотических свойств, обладающих силой воздействия на ассоциативное мышление читателя» [Казакова, 2006. С. 115], «компенсировать невозможность передачи лакун оригинала языковыми средствами языка перевода» [Новикова, 2009. С. 256],

иными словами, способствовать адекватному пониманию переводного текста вторичным реципиентом. Своеобразный парадокс заключается в том, что при недостаточной разработанности принципов комментирования художественного текста в рамках переводоведения существует функциональная типология переводческих метатекстов [1]. Правда, и в этой области терминологического однообразия не наблюдается: наряду с переводческим метатекстом существуют и переводческий паратекст, и переводческий метаязык. Эти понятия частично пересекаются, что и составляет определенную проблему. Понятие паратекста введено французским литературоведом Ж. Женеттом, и его переводоведческие потенции показаны, например, на анализе роли текста и паратекста в гендерной идентификации «Винни-Пуха» как в оригинале, так и в переводах (прежде всего, В. П. Руднева) (см. [Фефелов, 2017]). Таким образом, попытки сформировать понимание того, что должно составлять суть переводческого комментария, как он соотносится с текстом оригинала, мета- и паратекстом, всё же предпринимаются. В данной работе к паратексту перевода относятся все тексты, комментирующие в том ином виде (например, в сносках, ссылках, предисловиях и т. п.) переводимый оригинал, тогда как к метатексту перевода мы относим исследовательский или критический анализ тех или иных специфический понятий и явлений, составляющих культурно-исторический и ассоциативный фон переводимого произведения, с целью облегчить их рецепцию в иноязычной среде. В ходе такого анализа вырабатывается адекватный замыслу автора метаязык для фиксации авторской интенции (что автор сказал).

В этой связи заслуживает внимания фундаментальный подход С. Г. Тер-Минасовой, которая ввела в начале 90-х гг. прошлого века понятие творческого учебного комментария, предназначенного для англичан и американцев. В статье «Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя» [1994] Тер-Минасова приводит в качестве примера комментарии двух англоязычных изданий «Барышни-крестьянки» к характеристике И. П. Берестова, который «в молодости своей служил в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в деревню и с тех пор оттуда не выезжал». В комментарии, по мысли Тер-Минасовой, важно упомянуть не только о смене власти, но и предпринятую в 1796 г. Павлом I реорганизацию армии на прусский манер, чтобы показать, что Берестов – патриот, пожертвовавший военной карьерой, что существенно с точки зрения авторского замысла. Творческий комментарий, на котором настаивает Тер-Минасова, а не «механическое перенесение данных из справочников» [Там же. С. 140] играет важную роль в формировании коммуникативного воздействия переводного текста на вторичного реципиента. Такая позиция кажется сегодня тем более актуальной, что «справочные» сведения легко найти в Интернете, но без малейшей гарантии их достоверности.

Особое значение приобретает выдвинутое С. Г. Тер-Минасовой условие, согласно которому творческий комментарий требует исследовательского подхода, чтобы «раскрывать специфические национальные, политические, культурно-бытовые или иные коннотации, устанавливать связь между фактом, лицом, названием и самим произведением, его персонажем и автором» [Там же].

Установление таких связей особенно важно для текстов М. Булгакова со свойственными им автобиографичностью и интертекстуальностью. Разработка принципов учебного комментирования, заключает Тер-Минасова, должна быть «научной, педагогической и патриотической задачей первостепенной важности» [Там же. С. 146].

Патриотическая она потому, что отсутствие исторической реконструкции может привести к межкультурному непониманию. Известным примером такого непонимания булгаковской повести являются опубликованные А. П. Бабёнышевым и Н. И. Покровской в 1991 г. сочинения студентов Гарварда, которым было предложено ответить на вопрос: «Как вы относитесь к словам профессора Преображенского: “Да, я не люблю пролетариата?”». Мнения гарвард-

[1] Функциональная классификация Т. А. Казаковой используется, например, Ю. В. Новиковой при анализе метатекстов к англо- и франкоязычным переводам повести Булгакова «Собачье сердце».

ских студентов сводились к абстрактным рассуждениям о социальном конфликте («пролетариат голодает, часто действует со злобой»; «Преображенский был настоящим господином, которому не нравятся бескультурные рабочие»), оценочным суждениям о персонажах («доктор немножко эгоист и сноб»; «Домком был, может быть, немного грубым, но они не злые люди») и примитивным рассуждениям об идейной сущности повести («Булгаков тоже не любит пролетариат. В конце концов, в этом значение рассказа») [Бабёнышев, Покровская, 1994].

Такая реакция на повесть, которую современник Булгакова композитор Г. Свиридов назвал «великим произведением», где «написано просто и честно для нас всё, что произошло» [Свиридов, 2005], – не иначе как межкультурное недоразумение, оторванное от живой социальной ткани и вписанное по марксистскому шаблону в систему «хозяева – пролетарии». Сочинения на эту же тему гарвардских студентов спустя десять лет обнаруживают более осмысленное прочтение произведения: «Булгаков иронизирует над тем, что, когда пытаешься сделать нового организованного человека из раба, тогда получаешь чудовище»; «Роль Шарикова очень ясно показывает, что человек без прошлого опасен». Дается более зрелая характеристика персонажей: «Ф. Ф., хотя он похож на старого интеллигента, в качестве ученого безусловно радикал»; «Швондер и его спутники не господа, они товарищи, пролетарии, “homo sovieticus”». Можно говорить и об адекватном понимании студентами булгаковской аллегории: «Физически профессор создал Шарикова, а новая власть, Швондер, создала Полиграфа Полиграфовича» [Бабёнышев, Покровская, 1994].

Вне всякого сомнения, знание истории сыграло не последнюю роль в читательских впечатлениях американских студентов 1999–2000 гг., хотя и факта влияния некоторых межкультурных стереотипов отрицать нельзя (ср. [Колыхалова, Кулдошина, 2019. С. 120–121, 126]). Исторический контекст, тем более необходимый широкому англоязычному читателю Булгакова, вполне может быть представлен в сжатой форме в переводческом комментарии в виде сноски. Уточнение подходов к разработке такого комментария и является целью данного исследования. Задачи же обозначим следующим образом:

1) проанализировать вышеозначенные метатексты с точки зрения их соотнесенности с конкретными коммуникативными ситуациями и условиями, в которых разворачивается социальный конфликт;

2) идентифицировать пресуппозиции, необходимые для адекватного восприятия коммуникативной ситуации и стилистики булгаковского текста;

3) дополнить существующие метатексты и предложить примеры новых с учетом установленных пресуппозиций.

Анализ рецепции «Собачьего сердца» в разные эпохи

Разработка принципов комментирования художественного текста связана с проблемами его восприятия и интерпретации во времени и пространстве. Интересно проследить, как менялось восприятие «Собачьего сердца» в разные эпохи. Охарактеризованная видным политическим деятелем того времени Львом Каменевым сразу после публикации как «острый памфлет на современность» (цит. по: [Варламов, 2019. С. 319]), в конце 1980-х эта повесть приобрела новое звучание. Однако и в 1920-е, и в 1990-е, пишет А. Варламов, читатели и зрители (фильма В. Бортко 1988 г.) ясно увидели лишь одну сторону конфликта. «Это повесть о черни и элите, к которым автор относится с одинаковой неприязнью», – заключает писатель [Там же]. Из этого заключения очевидно, что смысловой потенциал «Собачьего сердца» для современного российского социума, как бы вернувшегося в досоветское прошлое (или желающего вернуться туда), далеко не исчерпан.

В свете нашего исследования два основных принципа интерпретации текста, сформулированные американским исследователем Э. Д. Хиршем, представляются особенно важными: авторитетность автора и свобода исследовательской позиции. Соотнесение интерпретации текста с авторским замыслом, по мысли Хирша, – «единственный способ избежать интерпре-

тационного произвола, насилия над текстом» (цит. по: [Ляпушкина, 2019. С. 126–127]). Более того, только это и позволяет применить к результату исследования критерий достоверности [Там же]. Таково и методологическое основание для анализа переводческих метатекстов к англоязычным версиям повести Булгакова и для сопоставительного анализа самих переводов. Эта позиция явилась исходной и при составлении представленных здесь комментариев. Обращение к переводам важно, поскольку вторичный текст свидетельствует о наличии / отсутствии у переводчика пресуппозиций, необходимых для адекватной передачи им авторского идейного содержания. Для установления соответствия / несоответствия результата конкретного переводческого решения интенции автора применяется лингвокогнитивный анализ, продуктивность которого несомненна при исследовании наиболее сложных междисциплинарных вопросов перевода (см. об этом более подробно: [Изволенская, 2020]).

Метатексты и комментарии Дж. Миика, Э. Бромфилда, А. Куркова, М. П. В. Сальгадо: критический взгляд

Обобщая сформулированную С. Г. Тер-Минасовой задачу переводческого комментария, можно утверждать, что комментарий должен устанавливать связь между текстом и эпохой его создания, с одной стороны, и текстом и автором, с другой. Рассмотрим в этом ракурсе метатексты к переводам Бромфилда и Гленни, а именно: введение Миика, примечание Бромфилда к собственному переводу, а также предисловие Куркова к переводу Гленни.

В примечании к тексту Бромфилд вкратце излагает нелегкую издательскую судьбу повести; сообщается и о том, что источником для его переводческих комментариев послужила информация из полного собрания сочинений Булгакова в 8-ми томах, вышедшего в 2004 г. со вступительной статьей и комментариями В. Петелина. В частности, он поясняет, что транслитерация клички «Шарик» обосновывается отрицательной значимостью персонажа.

Во введении Миика есть краткий пересказ и анализ повести, выполненный в социально-политическом ключе, и потому булгаковская аллегория превращения «доброй собаки в злого человека» раскрывается как намек на предпринятый революционной интеллигенцией великий эксперимент. Однако сопровождение этого метатекста философско-религиозной интерпретацией идейного содержания повести [2] представляется не совсем корректным как по отношению к автору, так и по отношению к читателю. Комментируя реалию, переводчик всё же должен «сохранять нейтралитет», несмотря на то что переводчика сейчас часто призывают проявить свой субъективизм, скрывая его за термином “visibility” (непрозрачность, соавторство). Нейтралитет, в свою очередь, не отменяет (наоборот, способствует) диалогичности как важного свойства перевода.

Предисловие украинского писателя Куркова представляет собой краткую биографическую справку о писателе. Однако текст обнаруживает неточности: так, после апрельского звонка Сталина в 1930 г. Булгаков поступает на службу в качестве ассистента режиссера во МХАТ, а не в Малый Театр.

Что касается собственно переводческих комментариев, по форме совпадающих с явными дефинициями, то с функциональной точки зрения из 24 комментариев Бромфилда и 30 комментариев Сальгадо большинство носит дополняющий и поясняющий характер, что, учитывая историческую дистанцию, вполне естественно. На фоне преимущественно исторических метатекстов примечателен лингвосемиотический комментарий Сальгадо к «неизвестно что обозначающей пузатой двубокой дряни» (с. 16) [3] – кириллической букве *ф* в слове «профессор», представляющей трудность для бездомного пса, когда он видит карточку над квартирой своего благодетеля.

[2] Человек, пишет он, «должен осознавать существование предела своих возможностей», а «проникновение в сферы божественные и природные» таит опасность «сатанинского акта» (Bulgakov, 2007, p. XX).

[3] Здесь и далее повесть цитируется по: *Булгаков М.* Собачье сердце. М.: АСТ, 2001, ссылки приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

Некоторые комментарии содержат информацию, с повестью непосредственно не связанную. Так, комментарий к цитате Преображенского о разрухе ("ruination" в версии Буис), имеющей своим источником пьесу В. Язвицкого «Кто виноват?», носит чисто литературоведческий характер и не играет важной роли в восприятии текста. Думается, это тот самый случай, когда для вторичного реципиента «специфическая инокультурная информация может оказаться иррелевантной» [Фефелов, 2015. С. 61].

Иррелевантной для иноязычного читателя может оказаться и специфическая культурная информация, касающаяся реалий повседневности. Так, в версии Буис «горячие закуски», которыми Преображенский потчует Борменталя, транслитерированы как *zakuski* с соответствующим комментарием: Russians accompany vodka with *zakuski*, appetizers (Bulgakov, 2020, p. 175). Опять же трудно не согласиться с А. Ф. Фефеловым, что «получателю инокультурной информации требуется ее **понимание, а не вживание** в новую культурную ситуацию» [Фефелов, 2015. С. 60], тем более что последнее представляется трудно достижимым, говоря о среднестатистическом англоязычном читателе Булгакова.

Большинство комментариев по своему характеру являются чисто справочными, энциклопедическими. Конечно, современному читателю не лишним будет узнать, что опера «Аида», которую любит Преображенский, написана Дж. Верди; что русские люди употребляют водку с закусками; что Октябрьская революция делалась во имя пролетариата (как комментарий к термину «пролетарий» (Bulgakov, 2020, p. 114)); что под «цветным» (т. е. официально объявленным красным и ответным белым) террором подразумеваются военные преступления большевиков и их противников во время Гражданской войны и т. д. Однако при ближайшем рассмотрении такого рода сведения на восприятие текста влияют мало, они лишь огрубляют картину, схематизируют ее по большевистским лекалам. Не менее важно иноязычному реципиенту было бы поведать и о том, что сам Булгаков оперу «боготворил» [Варламов, 2020. С. 314]; что русские потчуют гостей, *уговаривая и приговаривая*; что главный конфликт разворачивается между «товарищами» и «господами» как представителями двух миров; что, будучи сторонником «Великой Эволюции» (с. 107), в названии которой обыгрывается французская La Grande Révolution, Булгаков не принял Великую Октябрьскую революцию, приведшую к братоубийственной войне и прочим социальным неурядицам.

Справочные сведения не всегда способствуют прояснению для инокультурного реципиента сути конфликта. Приведем примеры.

В эпизоде шестой главы еще не имеющий даже имени Шариков отстаивает свои интересы как «трудового элемента». На вопрос Преображенского «Почему же вы – труженик?» тот отвечает: «Да уж известно – не нэпман» (с. 80). В комментарии Сальгадо так разъясняется значение слов «НЭП» и «нэпман»:

> NEP, the New Economic Policy instituted by Lenin in 1921, was also known as state capitalism; the men who quickly got rich in this short-lived return to capitalism were known as NEPmen (Bulgakov, 2020, p. 177).

Однако суть исторического явления, равно как и причина его недолговечности, может остаться для инокультурного читателя неясной. Комментарий Бромфилда – более поясняющий:

> From March 1921, Lenin's 'New Economic Policy' (NEP) effectively replaced the harsher regime of 'War Communism' and helped facilitate economic recovery **following the devastation of the First World War and the civil war**. The NEP permitted the limited practice of private commerce, and **the frequently despised** entrepreneurs of the period were referred to as 'NEPmen' (Bulgakov, 2007, p. 115).

Добавленный компонент значения термина – негативное отношение общества к новому классу мелких предпринимателей – очень важен. Можно было бы добавить, что возмущение простых людей (в первую очередь рабочих) богатством нэпманов, не стеснявшихся нагло это богатство демонстрировать (что запечатлено для истории, например, на картине А. Дейнеки «Золотая молодежь» 1928 г.), объяснялось тем, что новая политика большевиков шла вразрез с провозглашенными ими же лозунгами о равенстве; что многие партийные в знак протеста разорвали свои партбилеты [Figes, 1996. P. 771–772]. Шариков же претендует на звание тру-

дящегося просто потому, что он «да уж известно – не нэпман». Придаваемая частицей «уж» эмоциональность наиболее адекватно передана Бромфилдом: “Well, I’m obviously not a Nepman, am I?” (Bulgakov, 2007, p. 67) Гинзбург также сохранила эмоциональность высказывания, добавив термин *bourgeois*, выполняющий у нее функцию дублета: “Well, naturally – I’m no bourgeois, no NEP-man.” Версия Буис менее эмотивна: “You know I’m not a NEPman” (Bulgakov, 2007, p. 104); а в тексте Гленни в словах Шарикова (в ответ на вопрос Преображенского “What makes you think that you’re a worker?”) появляется неуверенность: ‘I must be – I’m not a capitalist’ (Bulgakov, 2009, p. 76).

В сочетании с релевантным комментарием адекватный перевод расставляет нужные акценты в читательском восприятии коммуникативной и сословно-классовой ситуации. Это особенно важно при передаче старых, дореволюционных, и новых, революционных, форм обращения, смешавшихся в 20-х гг. прошлого века из-за резкой смены представлений о господах, гражданах и гражданственности в целом [Корнакова, 2019. С. 20], что в трагическом ключе показано Булгаковым в романе «Белая Гвардия». Так, например, комментируется форма вежливого обращения «господин» у Бромфилда:

> ‘Mister’ (i.e. ‘gentleman’) was used to refer to individuals who were definitely not in the revolutionary fold (Bulgakov, 2007, p. 114).

Однако если признавать значимость социально-исторического контекста, то обращение “gentleman”, приемлемое в переводе как функциональный аналог обращения «господин», в рамках исторического комментария вызывает сомнения. Во избежание подмены реалий нужно искать дополнительные переводческие решения. Невозможность передать непосредственно в переводе «фоновое значение единиц культуронимического ряда, которое имеет смысл только в исходной культуре» [Фефелов, 2015. С. 52], вполне может быть компенсирована комментарием.

Таким образом, если задача комментария заключается в раскодировании связей между текстом произведения и зафиксированной автором исторической реальностью, то дополнению и пояснению подлежат языковые средства не сами по себе, но в контексте рассматриваемой коммуникативной ситуации с необходимым учетом фонового исторического контекста.

Социальные реалии

Культуроспецифичные элементы в повести «Собачье сердце» относятся главным образом к социальным реалиям ранней советской эпохи, когда провозглашенное революцией равенство на деле обернулось унижением и террором против «классовых врагов», а символ республиканского равенства, эгалитарное обращение «товарищ», превратилось в инструмент унижения тех, кого революция лишила титулов, благосостояния, переведя в ранг «бывших людей» [Figes, 1996. P. 523].

Форма обращения сразу после революции была всем понятным маркером новой социальной иерархии, не ориентирующейся более на уровень благосостояния. Именно с обозначения классовой принадлежности заглавного персонажа начинается повествование, когда бездомный пёс Шарик, завидев Преображенского, безошибочно демонстрирует свой классовый нюх, подмечая, что тот «именно гражданин, а не товарищ», но «вернее всего – господин» (с. 9):

> The old and differential forms of address for the members of the propertied classes (*gospodin* and *barin*) were phased out of use. They soon became a form of abuse for those who had lost their title and wealth. The proliferation of egalitarian forms of address – ‘comrade’ (for party members and workers) and ‘citizen’ (for all others) – seemed to signify a new republican equality. The word ‘comrade’ (*tovarishch*) became a badge of proletarian pride, a sign to distinguish and unite the avenging army of the poor in the class war against the rich [Figes, 1996. P. 522–523].

С учетом этого комментария будет прочитываться англоязычным читателем как более мотивированная, например, с достоинством произносимая реплика одного из членов домкома

«Во-первых, мы не господа» в ответ на обращение придерживающегося дореволюционного этикета Преображенского (с. 28). Кроме того, эта парирующая фраза в переводе (“We are not gentlemen” у всех четырех переводчиков) еще и саморазоблачающая, что добавляет сцене социального комизма, особенно остро ощущаемого в наше новорусское время, когда обращение «господин» в обыденной жизни вроде бы восстановлено в своих «законных» правах, но никак не может прижиться, оставаясь маргинальным.

Следует отметить, что формы обращения в самой повести (да и в нынешней русской жизни) не лишены также эмоциональной окраски. Действительно, в сознании простых людей, никогда не читавших Маркса, классовые различия определялись скорее эмоциями, нежели сколь-нибудь объективными социальными критериями [Figes, 1996. С. 523]. Так, Швондер, ориентируясь на размытые, заимствованные у французов критерии [4], ошибочно причисляет Преображенского к «псевдонаучной буржуазии» (с. 74), хотя в формулировках пролетарской власти булгаковский протагонист не принадлежит к «буржуа» – лицам, «живущим или доходами от капитала, или предприятиями с наемным трудом» [Меерович, 2008. С. 15]. Более того, в повести «швондеровцы» относятся к Преображенскому как к «врагу народа», намекая, что его как «ненавистника пролетариата» «следовало бы арестовать» (с. 35).

Ошибочное заключение Швондера о социальном статусе профессора комично повторяет и собака. Когда очеловеченный Шарик оглядывается в квартире своего создателя и резюмирует самый первый результат этого ознакомления с новой для него социальной действительностью, то сразу же отчетливо произносит: «буржуи» (с. 68).

Однако для инокультурного читателя этот термин, переданный у всех переводчиков как “bourgeois”, требует толкования в социально-экономических условиях и «культурных координатах» послереволюционного времени. Фиджес раскрывает в этом понятии следующие черты, лишая его вообще какой бы то ни было конкретной сословной привязки и выводя на первый план идентификацию по внешнему виду:

> The popular term *burzhooi*, derived from the word ‘bourgeois’, had no set class connotations. It was used as a general form of abuse against employers, officers, landowners, priests, merchants, Jews, students, **professionals** or anyone else **well dressed, foreign looking or seemingly well-to-do**. The **socialist** press encouraged such popular attitudes by depicting the *burzhoois* as ‘enemies of the people’ [Figes, 1996. P. 522–23].

Практикующий хирург профессор Преображенский формально принадлежит к интеллигенции, к представителям так называемых «вольных профессий», но эмоционально в глазах домкома и Шарикова он, несомненно, «буржуй»: *потому что* «вечно сыт», ходит «с французской остроконечной бородкой» (с. 10), живет в семи комнатах с прислугой, у него «денег куры не клюют» (с. 43) [5]. Отсюда следует, что буквальная передача номинации «буржуй» с помощью французского термина “bourgeois” не вполне корректна; он не несет советской послереволюционной резко отрицательной коннотации, поскольку английская или американская буржуазия не клеймилась своими социалистами, демократами и либералами как враг народа.

---

[4] Судя по всему, Швондер не читал Марселя Пруста, тщательно определявшего в своей эпохальной серии «В поисках утраченного времени» место французской буржуазии в современном ему обществе по отношению к уходящей аристократии, конечно, но также и в ее социальных связях с «низшими слоями». См. об этом более подробно: [Савина, 2020].

[5] Домком (новая власть на местах) и Шариков подменяют рациональные критерии оценки эмоциональными, относя их при этом к рациональным. Однако к ним нужно относиться со снисхождением. Как справедливо замечает К. С. Пантеева, «представляется, что вместо разделения оценок на рациональные и эмоциональные, возможно, уместнее говорить о степени проявления в оценке эмоциональности, иными словами, экспрессивности» [2020. С. 54]. В анализируемом тексте экспрессивности, действительно, много, что заметно осложняет работу переводчиков, когда она соединяется со специфическими социальными реалиями. В чужом контексте трудно понять, «отчего разгорелся весь этот сыр-бор».

Для новой власти социальный статус был связан с происхождением гражданина [6]. Во время Гражданской войны и в послереволюционные годы, вплоть до середины 40-х гг. прошлого века, оно имело прямое влияние на судьбу человека. Не случайно, Преображенский, отговаривая Борменталя от замысла убить Шарикова, руководствуется не только моральными соображениями («На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено» (с. 116)), но и, в первую очередь, доводами рассудка. Вот как они переданы в англоязычных версиях повести.

Нам ведь с вами, «**принимая во внимание происхождение**», – отъехать не придется, невзирая на нашу первую судимость (с. 111)

M. Ginsburg

We'll never get away with it, even if it is our first offense, **particularly 'taking into account the social origin'** (Bulgakov, 1987, p. 101).

M. Glenny

Because of our "social origins" you and I would never get away with it, despite the fact of it being our first offense (Bulgakov, 2009, p. 105).

A. Bromfield

You and I **won't get off with "taking our social origins into account"**, even though it is our first conviction (Bulgakov, 2007, p. 93).

A. W. Bouis

We won't get off **because 'class origins are taken into account',** despite a previous conviction (Bulgakov, 2020, p. 142).

Функционирующая как дополнение фраза «принимая во внимание происхождение» похожа на клише из судебных приговоров, вошедшее в обиход в неспокойные послереволюционные годы. Экспрессивно-эмоциональная коннотация фразы Преображенского о его с Борменталем «дурной наследственности» (отец судебный следователь и, «еще хуже», кафедральный протоирей (с. 111)) недоступна иноязычному читателю, незнакомому хотя бы в общих чертах с особенностями воплощения большевиками классовой и антирелигиозной политики на заре СССР. Она требует комментария:

In the aftermath of the Revolution, it was class origin, rather than the seriousness of the offence that played a determining role in establishing the person's guilt. As the Russian top secret security service Cheka (which would later become NKVD and then KGB) instructed the local commissions, their "first duty" was not to "search for evidence whether they rose against the Soviet power", but to "ask the arrested person about their background first, education and profession", which "must decide their fate" [Никулин, 2020. С. 160].

Становится ясно, каким образом «происхождение спасло» от наказания опасного рецидивиста Клима Чугункина (с. 72), донора гипофиза. Из всех переводов экспрессивность словосочетания «дурная наследственность» сохраняется лишь у Гинзбург ("it's a rotten heredity" (Bulgakov, 1987, p. 101). Что касается объяснительного перевода Гленни – "From the Bolshevik's point of view you couldn't have come from a more unsuitable background" (Bulgakov, 2009, p. 105), то он вполне мог быть заменен отдельным комментарием, что избавило бы переводчика от необходимости вкладывать в уста персонажа слова, которых в оригинале нет.

Квартирный вопрос как предмет конфликта между домкомом и Преображенским требует отдельного экскурса в историю. Жилище Преображенского, согласно формулировкам В. И. Ленина в контексте экстренных мер большевиков по жилищному переустройству в городе, должно подлежать скорейшему уплотнению:

[6] Е. С. Корнакова в статье, посвященной концепту *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в России и СССР, акцентирует политический характер консервативной интерпретации понятия «гражданственность», согласно которой булгаковского протагониста, отказывающегося от «активного участия в делах общества и государства» [2019. С. 20], вполне можно было бы упрекнуть в крайне безответственном отношении к своим обязанностям гражданина в их новой, революционной интерпретации.

In a series of decrees that followed the famous 1917 Decree on Land, the nationalization and municipalization of private property continued in large and smaller cities. The rehousing policies, aimed at lodging ever-increasing working people who lacked shelter into private dwellings, was based on Lenin's notion of the "rich man's apartment" (where the number of rooms is larger than or equal to the number of permanent residents). The mission of confiscating, relocating and rationing the "redundant living area" among the former landlord and the new occupants was assigned to the "house residents' committees" (domovoy komitet, or abbr. domkom). If the committee was not diligent enough or showed mercy toward former landlords, its members were subject to arrest and confiscation of their belongings [Kholodilin, Meerovitch, 2018. P. 941].

Учитывая, что в 1924 г. норма распределения жилой площади в Москве на одну семью составляла 6,8 м² [Ibid. P. 17], неудивительно, что занимающий «исключительное положение» профессор («Целых пять комнат хотели оставить ему» (с. 18)) вызывает раздражение домкома, которое очень трудно донести до читателя перевода.

Мы, управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, **на котором стоял вопрос об уплотнении** квартир дома...
– Кто на ком стоял? – крикнул Филипп Филиппович (с. 30).

M. Ginsburg

"We are the house management," Shvonder spoke with hatred. "We've come you after a general meeting of the tenants of this house **which went into the question of consolidating** the tenancy of the apartments…"
"Who went into whom?" Philip Philippovich shouted (Bulgakov, 1987, p. 25).

M. Glenny

'We, the house management,' said Shvonder with hatred, 'have come to see you as a result of a general meeting of the tenants of this block, **who are charged with the problem of increasing the occupancy** of this house…'
'What d'you mean – charged?' cried Philip Philipovich (Bulgakov, 2009, p. 28).

A. Bromfield

'We, the administration of the building,' Shvonder began with hatred in his voice, 'have come to you following a general meeting of the tenants in our building, **the standing question at which concerned the consolidation** of the apartments in our building…'
'Who was standing on whom?' shouted Filipp Filippovich (Bulgakov, 2007, p. 22).

A. W. Bouis

"We, the Building Committee," Shvonder said with hatred, "have come to you after the general meeting of the residents of our building, **on the agenda of which was the question of consolidating** the apartments."
"Where was this agenda?" screamed Filipp Filippovoch (Bulgakov, 2020, p. 36).

В этом диалоге, где канцелярит Швондера противопоставляется живому слову Преображенского («Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать, – мутно мечтал пес» (с. 43)), звучащая в словах профессора ирония сохраняется у Гинзбург и у Бромфилда.

Политические реалии

Социальные реалии в повести «Собачье сердце» неразрывно связаны с реалиями политическими, часто перекрещиваясь с ними, что сказывается на их классификации и четкости разграничения: ведь перемены в обществе стали результатом радикальной смены политического курса новой власти, основанного на принципе классовой борьбы и классовой справедливости. Русскоязычным читателем отношение «буржуев» к большевикам прочитывается уже в начале повести, когда «господин» Преображенский приводит Шарика домой. В ответ на вопрос Борменталя о том, как удалось «подманить такого нервного пса», профессор назидательно отвечает, что «террором ничего поделать нельзя с животным» (с. 20), намекая прежде всего на победивших красных, но не забывая и остальных политических акторов, как реальных, так и воображаемых, коричневых, которые обретут политическую реальность немного позднее в фашистской Италии.

Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный и даже коричневый! (с. 20)

M. Ginsburg

They are wrong thinking that terror will help them. No–no, it won't, whatever its color: white, red, or even brown! (Bulgakov, 1987, p. 16)

M. Glenny

People who think you can use terror are quite wrong. No, terror's useless, whatever its colour – white, red or even brown! (Bulgakov, 2009, p. 20)

A. Bromfield

They are wrong to think that terror will do them any good. No sir, no sir, it won't, no matter what colour it is: white, red or even brown! (Bulgakov, 2007, p. 15)

A. W. Bouis

They are wrong to think that terror will help them. No, no, it won't, whatever its color: white, red or even brown! (Bulgakov, 2020, p. 24)

Под «ними» подразумеваются большевики, и перевод Гленни с ограничительным придаточным предложением значительно ослабляет иллокутивную силу оригинального высказывания. Предложим дополняющий комментарий:

Red and white colors refer to Red and White terror, representing political repressions and mass killings committed by the Reds (Bolsheviks) and anti-Reds, commonly known loosely as Whites during the Civil War 1917–22. The Bolsheviks viewed violence as a practicable political means against the counter-revolutionaries [Никулин, 2020. С. 150].

Победившие в Гражданской войне большевики, как известно, придавали большое значение науке в деле построения нового общества. Об «улучшении человеческой природы» мечтал и профессор Ф. Ф. Преображенский, в чем в итоге разочаровался, выразив сомнительное почтение к «мадам» Ломоносовой («мадам» ассоциируется в том же контексте «со всякой бабой») и вместе с тем некоторое пренебрежение к «этому... знаменитому», ее сыну. Французское обращение «мадам» по отношению к крестьянке, местоимение «этого», объединенные экспрессивной интонацией, создают большие проблемы при восприятии в англоязычном культурном пространстве – Ломоносов для них не является научным авторитетом и потому эмоциональный аргумент профессора непонятен.

Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова **этого своего знаменитого**! (с. 114)

M. Ginsburg

Didn't Mme Lomonosov bear **her famous offspring out in Kholmogory**? (Bulgakov, 1987, p. 103)

M. Glenny

After all, **the great Lomonosov** was the son of **a peasant woman from Kholmogory** (Bulgakov, 2009, p. 108).

A. Bromfield

After all, **didn't** Madam Lomonosova give birth to **that famous son of hers** in Kholmogory! (Bulgakov, 2007, p. 95)

A. W. Bouis

After all, Mrs Lomonosov gave birth to **her famous son in Kholmogory** (Bulgakov, 2020, p. 146).

Восклицательная интонация оригинального высказывания с логическим ударением на слове «родила» точнее передана у Гинзбург и Бромфилда. В переводах Гленни и Буис акцент делается исключительно на происхождении матери Ломоносова и обстоятельстве места, отчего в качестве главной прочитывается несколько иная мысль (сейчас, впрочем, гораздо более близкая высокой европейской культуре, устремившейся к демократизации языковых и бытовых норм): гений происходит из простого народа. Нельзя, однако, не признать, что замена Гленни «мадам Ломоносовой» на "peasant woman" искажает интенцию автора, подчеркивающего матриархальную роль женщины в «Великой Эволюции» жизни.

Данная идея ясно выражена в этом же монологе Преображенского, когда он формулирует асимметричный ответ западной высоконаучной технологии производства гениев: «…зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно… человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает выдающихся гениев» (с. 114). Этот монолог следовало бы сопроводить, на наш взгляд, таким комментарием, показывающим, что по этому пункту Булгаков снова спорит с Партией, представленной точкой зрения ее идеолога, Льва Троцкого, всецело уповавшего на мощь науки в проекте формирования человека нового типа:

> The Bolsheviks believed that the revolution, emboldened by science, could create a new type of man. L.Trotsky wrote that “the human race will not have ceased to crawl on all fours before God, kings and capital, in order to submit humbly before the dark laws of heredity and a blind sexual selection!” [Trotsky, 1924].
>
> An outspoken critic of the revolution, the great physiologist Ivan Pavlov had often threatened to emigrate, but was patronized by the Bolsheviks [Figes, 1996. P. 733].
>
> As for Bulgakov, he was frustrated by the Revolution he’d witnessed in Moscow, which he described as “grey hoards, stupid and beastly faces… smashing windows and beating up people” [Булгаков, 2011. С. 11]. In his famous 1930 letter to the Soviet Government, he voiced his “deep skepticism with regard to the revolutionary process” in his country, being a proponent of “the beloved Great Evolution” [Там же. С. 107].

Итак, главная функция переводческого комментария как основной формы паратекста, а именно «максимальное сближение когнитивно-прагматических структур получателей оригинала и перевода» [Новикова, 2009. С. 257], заключается в том, чтобы дать инокультурному реципиенту ясное представление о запечатленном автором культурно-историческом моменте, в котором разворачивается социальный конфликт. Без такого паратекста инокультурному читателю Булгакова очень трудно понять, почему «человеческое сердце» Шарикова для него «самое паршивое из всех, которые существуют в природе» (с. 117), Швондер – «самый главный дурак» (с. 116), а не прообраз человека нового, коммунистического, типа. Без таких пояснений в сносках или предисловиях читателю перевода невозможно создать свой метатекст (и метаязык), адекватно, без доместикации, отражающий инокультурные реалии, как то имело место в экспериментах со студентами знаменитого американского университета, которых никак нельзя упрекнуть в отсутствии интеллекта. И, наконец, читатель перевода должен понимать, что к профессору Преображенскому, несмотря на неоднозначность этого героя, Булгаков испытывает симпатию.

Заключение

Кратко суммируя все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Если междисциплинарный взгляд на проблемы перевода предполагает выход за рамки сугубо филологического подхода, то и комментарий должен рассматривать не языковые средства сами по себе, но высказывание, в котором реалии обретают смысл на фоне конкретной коммуникативной ситуации. В повести М. Булгакова «Собачье сердце» комментированию подлежат в первую очередь социально-политические реалии молодого советского общества в их противопоставлении реалиям дореволюционной России. Поскольку реалии «оживают» в историческом контексте, то транскрипция / транслитерация социально-политических терминов в рамках комментария (domkom, gospodin, burzhooi и др.) представляется вполне обоснованной.

2. Если главная функция переводческого метатекста как объективированной части переводческого дискурса состоит в том, чтобы способствовать формированию у вторичного реципиента необходимых для полноценного восприятия художественного текста пресуппозиций, то важнейшей характеристикой комментария (паратекста) должна быть его релевантность – соотнесенность с содержанием оригинала.

3. Разработка принципов комментирования переводного текста, на наш взгляд, должна осуществляться в сторону усиления академичности и педагогичности. Академичность пред-

полагает достоверность, гарантируемую источниками, методами социально-исторического и текстового анализа и авторитетными исследованиями. Совокупность этих принципов устранит субъективизм обычной читательской реакции в виде выражения личного мнения (фактически голосования) в рамках обычной бинарной оппозиции «хорошо» / «плохо», «понравилось» / «не понравилось». Педагогичность состоит в том, чтобы в доступной и лаконичной форме донести до реципиента через метаязык (адекватную терминологию) и паратекст (комментарии, сноски, предисловия) необходимые фоновые сведения в неразрывной связи с текстом произведения, т. е. сформировать осмысленную связь между словом *в тексте* и его референтами в поле реальной жизни.

Важная философская константа творчества М. А. Булгакова – вопрос о том, как остаться человеком в «страшные времена», т. е. в период слома или волюнтаристской смены этико-культурных поведенческих парадигм. Специфику этого экзистенциального вопроса определила эпоха, которой до недавнего времени было трудно найти аналоги в истории англоязычных стран по трагичности, драматичности и стремительности перемен. Переводческий комментарий призван обогатить читательский опыт, сделать его более осмысленным, катарсическим. Без понимания на первый взгляд незначительных, на деле же смыслообразующих особенностей булгаковского текста инокультурный читатель не сможет в полной мере оценить его трагикомизм. Ведь зло в «Собачьем сердце», равно как и во всех других сатирических произведениях Булгакова, преодолевается очистительной силой смеха. Думается, в раскрытии таких лучших черт русской классики и состоит совместная просветительская задача истории, филологии, литературоведения и отечественного булгаковедения в частности.

Список литературы

Бабёнышев А. П., Покровская Н. И. Плохой человек профессор Преображенский // Литературное обозрение. 1991. № 5. URL: http://www.maksudovsergei.com/.

Варламов А. Михаил Булгаков. М.: Молодая Гвардия, 2020.

Изволенская А. С. О гармонии лингвокогнитивного и лексико-стилистического компонентов в художественном переводе (на примере двух переводов повести Дж. Сэлинджера “The catcher in the rye”) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 132–143.

Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ИнЪязиздат, 2006.

Колыхалова О. А., Кулдошина А. Ю. Восприятие русской литературы в Британии в конце XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 119–129.

Корнакова Е. С. Особенности репрезентации концепта *ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ* в русской национальной картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 12–27.

Ляпушкина Е. И. Введение в литературную герменевтику. М.: Панглосс, 2019.

Меерович М. Наказание Жилищем. М.: РОССПЭН, 2008.

Никулин В.В. Российская революция и право. Генезис и становление советской правовой системы 1917–1920 гг. М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2020.

Новикова Ю. В. Переводческий комментарий как один из способов прагматической адаптации повести «Собачье сердце» М. А. Булгакова // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. Филология и искусствоведение. 2009. С. 255–263.

Пантеева К. В. Рациональная и эмоциональная оценка: все дело в экспрессивности? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 47–58.

Савина Е. С. Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 110–121.

Свиридов Г. «Врагом интеллигенции был Пушкин…». 2005. URL: http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2005&n=1&id=2

Тер-Минасова С. Г. Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя // Россия и Запад: Диалог культур: Сб. науч. ст. М., 1994. С. 140–144.

Фефелов А. Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 1. С. 48–72.

Фефелов А. Ф. Текст и паратекст в определении гендера Винни-Пуха и его переводческой семантизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. С. 24–33.

Figes, O. A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. London, Pimlico, 1996.

Kholodilin, Konstantin A., Meerovich, Mark G. Housing Policy in Soviet Russia and Germany between the Two World Wars: Comparative Analysis of Two Systems. *Journal of Urban History*. 2018. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/215789/1/Kholodilin_2018_ Housing%20Policy%20Russia.pdf

Список источников

Булгаков М. Собачье сердце. М.: АСТ, 2001.

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Восток-Запад, 2011. Т. 8. Письма. Записки. Телеграммы. Заявления.

Bulgakov, M. Heart of a Dog. New York, Grove Press, 1987.

Bulgakov, M. The Heart of a Dog. London, Vintage Books, 2009.

Bulgakov, M. A Dog's Heart. London, Penguin Classics, 2007.

Bulgakov, M. A Dog's Heart. St. Petersburg, KARO, 2020.

References

Babyonishev, Alexander P., Pokrovskaya, Natalia I. The Bad Man Professor Preobrazhenskiy. *Literary Review*, 1991, no. 5. URL: http://www.maksudovsergei.com/. (in Russ.)

Fefelov, Anatoli F. Paradigmatic trends in the evolution of the Russian translation studies: Pro and contra Roman Jacobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 48–72. (in Russ.)

Fefelov, Anatoli F. Text and paratext in decoding the gender of Winnie-the-Pooh in Russian translations. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 1, p. 24–33. (in Russ.)

Figes, O. A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. London, Pimlico, 1996.

Izvolenskaya, Anna S. On the Harmony between the Cognitive Linguistic and Lexical-Stylistic Components in Literary Translation (A Case Study of J. D. Salinger's "The Catcher in the Rye"). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 132–143. (in Russ.)

Kazakova, Tamara A. Literary Translation. Theory and Practice. St. Petersburg, 2006. (in Russ.)

Kholodilin, Konstantin A., Meerovich, Mark G. Housing Policy in Soviet Russia and Germany between the Two World Wars: Comparative Analysis of Two Systems. *Journal of Urban History*. 2018. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/215789/1/Kholodilin_2018_ Housing%20Policy%20Russia.pdf

Kolykhalova, Olga A., Kuldoshina, Anna Yu. Perceptions of Russian Literature in Britain at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 119–129. (in Russ.)

Kornakova, Ekaterina S. Specificity of the Concept *GRAZHDANSTVENNOST'* (Civic Consciousness) in the Russian World View. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 12–27. (in Russ.)

Lyapushkina, Ekaterina I. Introduction to the Hermeneutics of Literature. Moscow, Pangloss, 2019. (in Russ.)

Meerovitch, Mark. Punishment by lodging. Moscow, ROSSPEN, 2008. (in Russ.)

Nikulin, Victor V. Russian Revolution and Law. Genesis and Formation of the Soviet Legal System 1917–1920. Moscow, YUSTITSINFORM, 2020. (in Russ.)

Novikova, Yulia V. Translator's Commentary as one of the Pragmatic Ways for Adapting M. Bulgakov's "A Dog's Heart". *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology and Art*, 2009, p. 255–263. (in Russ.)

Panteeva, Ksenia V. Rational and Emotional Evaluation: Is It All about Expressiveness? *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 47–58. (in Russ.)

Savina, Elena S. Legal Macro- and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 110–121. (in Russ.)

Sviridov, Georgy. "Pushkin was Intelligentsia's Enemy". http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2005&n=1&id=2/. (in Russ.)

Ter-Minasova, Svetlana G. Pushkin's Prose as seen by the English-Speaking Reader. *Conference Proceedings of Russia and the West: Dialogue of Cultures.* Moscow, 1994, p. 140–144. (in Russ.)

Trotsky L. Literature and Revolution. 1924. URL: https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch08.htm

Varlamov Alexei. Mikhail Bulgakov. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2020. (in Russ.)

List of Sources

Bulgakov, M. A. Sobach'e serdtse. Moscow, AST, 2001. (in Russ.)

Bulgakov, M. A. The Collected Works. In 8 vols. Moscow, Vostok-Zapad, 2011, vol. 8: Letters. Notes. Telegrams. Requests. (in Russ.)

Bulgakov, M. Heart of a Dog. New York, Grove Press, 1987.

Bulgakov, M. The Heart of a Dog. London, Vintage Books, 2009.

Bulgakov, M. A Dog's Heart. London, Penguin Classics, 2007.

Bulgakov, M. A Dog's Heart. St. Petersburg, KARO, 2020.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
04.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Изволенская Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Anna S. Izvolenskaya, Cand. of Sci. (Philology), Lecturer at English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

anna@izvolensky.ru
ORCID 0000-0003-4163-8468